

«Господи, во свете лица Твоего»
(«Domine, in lumine vultus tui»)

1 января 1441¹
Обрезание Господне
Аугсбург

| 1. «Господи, во свете лица Твоего пойдут, о имени Твоём возрадуются и в правде Твоей вознесутся». В псалме «Милости Твои, Господи».²

Святая мать Церковь, найдя, что Дух Святой через царственного пророка предвозвестил пришествие Христа по величайшей милости Божией, приняла сей псалом для обязательного чтения в эту пору года³, дабы, увидев, как Христос был возвещён отцам, и поняв, в чём именно состояли вера и упование отцов наших, и мы тоже *ходили во свете, радовались о имени Его и возносились в правде Его*.

Итак, помолимся...

2. Тема затрагивает три вещи: *хождение во свете, радование о имени и возношение в правде*. Соответственно, и я скажу о трёх вещах.

В первой части тему *хождения* разверну в трёх пунктах:

[во-первых] как в *свете Его*, воспринятом в аспекте времени, идём мы к свету конъектуральному⁴;

во-вторых, как из света, воспринятого в аспекте неизменности, продвигаемся к свету рассудочному;

в-третьих, как из света учения Христа, *Который есть истина*⁵, воспринятого чувственным образом, входим к наивысшему свету интеллектуальному.

Первое *хождение* – от чувственного к воображаемому; второе – от чувственного к рассудочному; третье есть для нас совершеннейшее – от чувственного к интеллектуальному. Причём каждое из хождений происходит от внешнего к внутреннему, от «лица», или внешнего знания⁶ - к [знанию] внутреннему, и т.д.

¹ Рукопись рукою самого НК помечена: «в день Обрезания 1440 года». Однако из его же слов «сегодняшнее воскресенье...» (§6 ниже) следует, что речь идёт уже о 1441 годе (по нашему счёту), так как 1 января выпадало на воскресенье в 1441, а не 1440 году. НК очевидно снова исходит здесь из новогоднего счёта от Благовещения, а не от Обрезания (см. XX, 19). Текст проповеди изобилует позднейшими вставками и добавлениями, состав его поэтому весьма запутанный, и в разных изданиях XX века разделы сгруппированы по-разному. Я следую ниже критическому изданию Opera omnia.

² Пс. 88, 16-17

³ псалом 88 входит в чинопоследование Рождества, октавы Рождества и Богоявления

⁴ см. «О конъектурах» I, сар.1

⁵ Ин. 14, 6

⁶ «de facie sive notitia» - см. прим. к CCXLVI, 18

3. Во второй части, о которой слова *«И о имени Твоём возрадуются»*, скажу о том имени Божиим, что неизреченно, а также о других именах (т.е. о четырёхбуквенном имени и о других), и в-третьих, о имени Иисус. |

|4. Третья часть: *«И в правде Твоей вознесутся»*. *«Бог во Христе примирил с Собою мир»*, - как говорит Павел (2 Кор. 5)⁷.

Поскольку без Него мы ничто и живём в Нём⁸, то тогда, Он, Который есть правда, *сделался правдою для нас*⁹ (через *пролитие крови*¹⁰, коему начало положено Им сегодня); и следовательно, вне Его правды нет. И возноситься мы можем только через Него – Того, Кто *сделался для нас правдою и, вознесённый* на крестном жертвеннике, *всех привлёк к Себе*¹¹.

Поэтому мы возносимся,

если будем *омыты в Крови Его*¹²;

если соединимся с Ним через уход от мира, ибо *Он есть свыше*;

если, отвергнув множественность, неравенство и разделение, будем *искать того, что свыше*¹³: единства, равенства и мира, или единения;

если будем *следовать Ему и следам Его*¹⁴;

если будем *ходить, как ходил Он*¹⁵, и *во свете Его*, свете жития и учения, будем *искать сам свет*¹⁶;

если будем пламенеть благоговейной, исполненной любви молитвой;

если будем благословлять имя Его;

если станем добрыми делами сообразовывать себя Ему.

И когда через такое любовное уподобление соединимся с Ним, *Который свыше*, так чтобы не было в нас ничего другого, кроме Него¹⁷, тогда *вознесёмся в правде Его*. И т.д. |

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О хождении во свете Христовом

1) *Как в свете Христовом, воспринятом в аспекте времени, идём мы к свету конъектуральному*

а) *Мы должны видеть всё в свете Христовом*

|5. *«Увидим во свете Его свет»*¹⁸.

---

⁷ 2 Кор. 5, 19

⁸ Деян. 17, 28; «in ipso vivimus et sumus»; синод. «Им живём и существуем»;

⁹ 1 Кор. 1, 30

¹⁰ ср. Евр. 9, 22

¹¹ Ин. 12, 32

¹² Откр. 1, 5

¹³ Кол. 3, 1

¹⁴ 1 Пет. 2, 21

¹⁵ 1 Ин. 2, 6 (синод. «поступать так, как Он поступал»)

¹⁶ ср. Пс. 35, 10; Ин. 8, 12

¹⁷ ср. Гал. 2, 20

¹⁸ ср. Пс. 35, 10

Как невозможно ничего увидеть без света даже и здоровым глазам в чувственной области, так в духовной – без премудрости. Сам же свет виден и сам по себе, один без другого света; то же и со светом вечным. Свет чувственный и свет духовный во многом схожи, хотя различаются всё же несоизмеримо.

Христом измеряем мы всё. Терпение ли, мудрость ли, праведность, святость, и т.п., - всё это в ком бы то ни было видим мы не иначе, как в том свете, который есть Христос, и вне которого нет ни добродетели, ни святости. Святость Петра видима не иначе, как только в святости Христовой, потому что только пребывая в Его святости, она сама существует и может быть увидена. Святость Христа свёртывает все святости, как свет – все цвета, и хотя сам свет не имеет какого-то определённого цвета, тем не менее в себе он являет их все. Святость Христа понятна и мыслима только через себя саму, потому что [Христос] и есть сама святость, подобно тому как [Он] есть сам свет. Вне этого света мы не знаем ничего, и в этом свете знаем то, что хотим [знать], в той мере, в какой по-разному, более или менее глубоко вбираем в себя его лучи; там [в этом свете] заключено всё. Если хотим, чтобы в нас была мудрость, и ради этого станем *ходить во свете*, то найдём её. И т.д.¹⁹

Это во-первых. |²⁰

b) О возрастах человечества и их свёрнутости во Христе

6. Апостол Павел, обращаясь к Галатам и наставляя их в *истине евангелия*²¹ о том, что мы свободны во Христе, освобождены от рабства, говорит в апостольском чтении сегодняшнего воскресенья²²: *«Наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба... Так и мы, доколе были в детстве, были поработаны вещественным началом мира; но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего... и т.д.»*²³

Понимающий, чтобы не впасть в заблуждение, должен принимать во внимание как свёрнутость, так и развёрнутость.

7. Вот, например, этот мир – он един, и его единство существует во множестве. Человечество тоже едино во множестве людей; и человек тоже един во множестве телесных членов. И наоборот: один и тот же человек движется от начала своей жизни через [последовательность] возрастов к смерти; подобно ему единое человечество тоже имеет свои возрасты; сходным образом и мир.

Поэтому если человечество всех людей от начала [истории] людей и вплоть до самого [её] конца рассмотришь наподобие [жизни] одного человека, то увидишь много сокрытого, о чём Павел пытается очень коротко намекнуть нам в упомянутом апостольском чтении.

---

¹⁹ ко всему пассажи – ср. Экхарт, «На Евангелие от Иоанна» 14-15; «На книгу Премудрости» 41-45 (у Экхарта о праведности)

²⁰ Начало проповеди - §§1-3, §4 и §5 добавлены в рукописи рукою НК позже вместе с новой темой взамен прежней, взятой из чтения праздника: «Имя Его Иисус»

²¹ Гал. 2, 5

²² 1 января 1441 года выпало на воскресенье, поэтому НК ссылается здесь на чтение воскресенья внутри октавы Рождества: Гал. 4, 1-7

²³ Гал. 4, 1-4

В самом деле, сначала человеческая природа пребывала как бы во младенчестве – когда Бог *сделал одежды* Адаму и Еве, совсем ещё недавно ничего не знавшим о своей наготе²⁴.

После этого та же самая человеческая природа стала отроческой, начав по [образу] Божию пользоваться разумом, или рассудком (*ratione*)²⁵. Это произошло во времена Авраама, в коем первом появилось это семя рассудка, чувственно обозначенное обрезанием крайней плоти.

Затем та же человеческая природа продвинулась к возрасту более крепкому и сделалась способной к наукам (*disciplinalis*). Это было во время Моисея, когда она, словно *детоводителю*²⁶, подчинилась учительству, или правилам закона.

После этого то же человечество достигло *полноты времён* и совершенства, то есть свободного умозрения (*intellectum*) мудрости. И здесь мудрость соединилась с человечеством во Христе, Господе нашем, и дальнейший рост этой природы, уже достигшей совершеннейшей ступени, был невозможен.

8. Всё это находим мы и в каждом человеке. Способность к умозрению (*intelligentia*), которое, будучи нетленным и бессмертным, есть субстанция нашей души, в самом начале, при рождении ребёнка незаметна, скрываясь в потенции чувственной природы. Затем [человек] продвигается к [возрасту] рассудка, затем к [возрасту] науки, затем к [возрасту] умозрения²⁷. И поскольку через ум [или интеллект] происходит единение с Богом²⁸, то здесь он и находит успокоение. На всё это нужно обратить внимание.

Однако восполняющий всё Христос, хотя с самого начала, с зачатия был совершеннейшим и мудрейшим, как если бы в Нём как в начале была свёрнута человеческая природа, был [тем не менее] младенцем, потом обрезанным, потом послушно его соблюдающим *слушателем закона*²⁹, а затем уже - учителем, [*учащим*] как *власть имеющий*³⁰.

9. Добавим, что, среди возрастов [или эпох] человечества не найти ни одного, который не был бы устроен по подобию вышесказанного. Скажем, эпоха чувственной природы не была лишена ни рассудка, ни науки, ни умозрения, однако в сравнении с последующими [возрастами] была именно чувственной. Так и эпоха Христа – возраст умозрения, но и в ней тоже присутствовали также и другие названные, что Христос явил на Самом Себе.

Эпоха умозрения (или эпоха Христа, Который есть истина и Отчая Премудрость) как целое разворачивается в своей постепенности. Мы видим, что начинал Христос среди людей с

---

²⁴ Быт. 3, 21

²⁵ «*ratione uti coepit ad Deum*» - тёмное место; ср. XVI, 38

²⁶ Гал. 3, 25

²⁷ «*rationalem.., doctrinalem.., intellectualem*» - иерархия знаний, восходящая к Боэцию («О Троице» 2), у которого этим ступеням соответствуют физика, математика и теология. Ср. у НК: CLXIX, 1-3

²⁸ «*per intellectum unitur Deo*» - ср. Экхарт, Лат. проповеди XXIX, 304: «*Intellectus enim proprie Dei est, Deus autem est unus. Igitur quantum habet unumquodque de intellectu sive de intellectuali, tantum habet Dei et tantum de uno et tantum de esse unum cum Deo. Deus enim unus est intellectus, et intellectus est deus unus. Unde Deus nunquam et nusquam est ut Deus nisi in intellectu. [...] Ascendere igitur ad intellectum, subdi ipsi, est uniri Deo*»; НК в маргиналии к этому месту: «*deus ut deus est solum in intellectu*». У НК см. также: ср. «Конъектуры» II, 7, 106; XL, 7

²⁹ Рим. 2, 13

³⁰ Мк. 1, 22

первоначальной простоты младенческого (в сравнении с совершенством умозрения) возраста, когда простые рыбаки и язычники принимали Христа совсем *не в превосходстве ведения и слова*³¹. Однако этот младенческий возраст *по исполнению восьми дней*³² достиг *пролития крови* в обрезании, и тогда наступил возраст обрезания и жертвы, время мучеников за Христа. Затем наступила пора людям подчиниться *«детоводителю»* христианского закона и соблюдать этот закон. И близится время, когда Христос, *как власть имеющий*, поднимет нас до яснейшего духовного умозрения, время, когда как бы предстоит Христу *перейти от мира сего ко Отцу*³³ - перейти через умерщвление плоти в мучительнейшем чувственном (ибо *чувство противится духу*³⁴) страдании.

с) *Излагается конъектура о конце света*

10. Итак, попробуем прочесть из жизни Христовой, что надлежит нам думать о нашей эпохе³⁵. Мы найдём [рассказ о том], как Христос родился, был обрезан, отведён в Египет, нашёлся в храме и т.д.; однако затем, о времени от двенадцати до примерно тридцати лет не обнаруживается ничего, кроме того, что Он словно [всё это время] спал, ибо не находим о Нём ничего, кроме того что Он был [тогда] в мире. А потом явился и вскоре был распят и вознёсся на небо.

Теперь давайте посмотрим, когда именно прекратилось пролитие крови в Обрезании, когда перестал Христос «возрастать в храмах», когда именно начали словно оставлять Его без внимания - и, сопоставив времена с возрастом Христа, узнаем близящиеся сроки Христовой проповеди и Страсти.

В самом деле, Обрезание началось в восьмой день, с мученичеством Стефана, и длилось это Обрезание много лет. Затем Христос *«нашёлся в храме и в том, что принадлежало Отцу Его»*; это было на двенадцатом году [Его земной жизни].

11. Полагаю, что один год свободной эпохи следует распространить на пятьдесят [обычных] лет. Это означает, что Христос *«найден в храме»* на шестисотом году от Христа, ко времени святого Григория. После этого в течение семнадцати лет никаких Его действий мы не видим; это равно восьмистам пятидесяти годам [христианской эры]. Отсюда следует, что теперь уже скоро Он начнёт являться *как власть имеющий*, и это явление Его продлится сто пятьдесят лет. Затем будет Распятие, т.е. последнее гонение, затем Воскресение и Вознесение мистического Тела к Торжествующей Церкви. И т.д.

---

³¹ 1 Кор. 2, 1

³² Лк. 2, 21

³³ Ин. 13, 1

³⁴ Гал. 5, 17

³⁵ рассуждения в §§10-13 ниже НК позднее развернул в отдельный трактат «Конъектура о последних днях» (1446 г.). Общая идея НК такова: Поскольку «Христос – мера всего», то хронология христианской эпохи, последней эпохи мировой истории, должна повторять хронологию земной жизни Христа из расчёта 1:50 (каждый год Христа на земле – «юбилей», см. Лев. 25, 1 сл.). Общепринятым считалось, что крещение во Иордане Христос принял в возрасте 30 лет, затем были три года проповеди и на 34 году Распятие, Воскресение и Вознесение. Соответственно, по НК, всемирная церковная «проповедь» должна ожидаться в период с 1500 по 1650 годы, и в последующие 50 лет – последнее гонение, триумф Церкви и конец света к 1700 году (=34*50). Или же, если вести счёт не от Рождества, а от Вознесения, т.е. не от начала, а от конца земной жизни Спасителя, к этим датам следует добавить ещё 34 года (см. «Конъектура о последних днях» 133).

| Это, между прочим, в точности согласуется с Даниилом, у которого «от выхода повеления» в будущем предстоит ещё две тысячи триста дней («день за год»), а было это за пятьсот пятьдесят девять лет до Христа³⁶.

В подтверждение замысла разбери ещё внимательно то откровение, что, по Филону, Моисей получил перед самой своей смертью: всё время [мира] поделено на четыре части, из коих две к тому времени завершились, а две ещё предстояли³⁷. Это согласуется со сказанным. Ещё слова Лактанция о семи тысячах лет; они тоже согласуются³⁸. Рассмотрим ещё видение Иезекииля: *четыре колеса, шествующие и не оборачивающиеся*³⁹, суть четыре эпохи; и в каком смысле говорится о *четырёх животных*, и т.д. Всё это согласуется [со сказанным].⁴⁰ |

12. Я имею в виду, что день субботы, т.е. день упокоения и изведения нашего из рабства, есть «день освященный», а также день, когда Слово соединилось с человечеством⁴¹. Умножением этого дня выводят освященные годы, ибо, как говорится в двадцать пятой главе книги Левит⁴², из освященного числа семь выводится *год юбилейный, или пятидесятый*, который есть также год, освященный для освобождения и покоя.

Однако покой и вся суббота – это Христос. Следовательно, годы покоя, или «юбилеи» суть годы Христовы | что, по-видимому, подтверждается этим местом из Лк. 4: «*лето Господне и день воздаяния*»⁴³ |.

13. Итак, возвещаю вам, что сейчас мы уже 28 лет как во Христе, и начинается последняя пятая часть двадцать девятого года⁴⁴. Близится время, когда Христос явил Себя, когда на Него, омытого во Иордане, *сошёл и пребыл на Нем Дух Святой*⁴⁵, когда Он явился миру как Мессия, указанный перстом Иоанновым.

И это – тот грядущий Новый год, коего во Христе я вам ради нынешнего дня желаю. Однако это пришествие Христа в Церковь будет предварено Иоанном, | время проповеди которого вот-вот наступит, чтобы нам принести покаяние |.

---

³⁶ см. Дан. 8, 14; 9, 35; Иез. 4, 6

³⁷ имеется в виду «Книга библейских древностей» пс.-Филона («Liber Antiquitatum Biblicarum» XIX, 14-16): Моисей спросил Бога перед самой своей смертью о том, сколько времени прошло, и сколько осталось. Ответ, им полученный, имеет разночтения: по одной версии, «прошло четыре части и две осталось»; по другой – «всего проходят четыре части, из них две осталось». НК следует здесь последней версии, предполагающей деление мировой истории на четыре равные по длительности эпохи: от Адама до потопа; от потопа до Исхода; от Исхода до Христа; от Христа до конца света. Каждая эпоха длится примерно «34 юбилея», т.е. около 1700 лет. Любопытно, что здесь НК отступает от более традиционного седмичного деления человеческой жизни и мировой истории, которого и сам обычно придерживается; ср. IX, 9; IX, 32; XXVII, 5; XLVII, 3; CLXX, 2

³⁸ Лактанций, «Божественные установления» VII, 14; у НК: «О католическом согласии» I, 12, 53

³⁹ Иез. 1, 12; 1, 17

⁴⁰ ср. «Конъектура о последних днях» 137-139

⁴¹ ср. XXII, 45; НК, по-видимому, подразумевает здесь традицию считать событие Благовещение бывшим в субботу; ср. однако CCLXXIV, 2, где говорится о пятнице.

⁴² Лев. 25, 1-11

⁴³ Лк. 4, 19 (Вульг.); Ис. 61, 2; см. прим. к CLXX, 2

⁴⁴ т.е. на 1 января 1441 г. «во Христе» прошло $28 \cdot 50 + 40 = 1440$ лет

⁴⁵ Ин. 1, 32-33

[Здесь смотри: похоже, осталось ещё сорок лет [до того], чтобы Христу явить Себя одному за другим всем народам мира и затем пострадать⁴⁶. После такого разрастания [христианства по миру] в течение ста пятидесяти с небольшим лет придёт последнее гонение, превосходящее все когда-либо бывшие, то есть «распятие»; сразу же после него будет «воскресение» и спустя несколько лет «вознесение». И будет конец света.

Всё сказанное [лишь] правдоподобно без [какой бы то ни было] для нас достоверности⁴⁷. И т.д.]

2) Как из света, воспринятого в аспекте неизменности, продвигаемся к свету рассудочному

14. Итак, нам возвещена близость срока явления и омовения Церкви во Иордане, сошествия на неё Духа Святого и просвещения её всею вечной Премудростью. И коли это так, то в первую очередь необходимо овладеть способами восхождения к Премудрости. Но сделать это невозможно, не узнав прежде Её имени. И поэтому, чтобы взойти первым делом к знанию Её имени, желательно нам обратить внимание на ступени [восхождения].

И здесь, по-видимому, нет необходимости бежать за книгами, ибо книг суть множество, коему нет числа, и ввязавшись в неисчислимое множество, мы, пожалуй, впадём в безысходную суету, из которой не выпутаемся. Как говорит Августин в «Согласии евангелистов»⁴⁸, первые мудрецы, такие как Пифагор, Сократ и даже Христос, ничего не писали, ибо не видели для мудрости никакой пользы в том, чтобы о ней писали, скорей уж это напротив умалит и затемнит её величие. И только в одной единственной *книге жизни* дана Сама Премудрость, цель всех [прочих книг]⁴⁹. Множество же прочих книг [своей] цели в себе не содержит. Причём *книга жизни* есть книга духовная и умная (*intellectualis*), образ которой несут в себе все другие книги, свёрнутые сообразно науке, рассудку или чувству.

---

⁴⁶ т.е. отсюда можно предположить, что эта поздняя вставка (выделенная прямыми скобками) сделана в 1460 году (40 лет до 1500 г., начала «Богоявления»). Что согласуется и с предыдущей припиской о совсем близком сроке появления Предтечи: его время «statim instabit», «наступит прямо сейчас». Однако это только гипотеза, саму фразу («adhuc sunt forte anni quadraginta, ut Christus manifestetur universis nationibus successive; et patietur») можно прочитать и иначе: «[на то,] чтобы Христу явить Себя... и затем пострадать, остаётся, возможно, на сорок лет больше», - т.е. речь идёт о неопределённости в точке отсчёта – от Рождества или от Вознесения (см. прим. к §10 выше)

⁴⁷ Характерно, что посвятив этой так захватившей его хронологии («в той мере, в какой она доставляет утешительное подкрепление в нашем земном странствии») даже отдельный целый трактат, НК всё же не стал включать «Конъектуру о последних днях» в свои большие «Конъектуры» и никогда позднее к этой теме не возвращался. Например, в рождественской проповеди 1454 года (CLXIX, 1-4 слл.) снова повторяется четырёхчастное деление истории, но уже в исключительно отвлечённом смысле, без намёка на вычисления.

⁴⁸ Августин, «О согласии евангелистов» I, 7 (11-12)

⁴⁹ «книга жизни» (Исх. 32, 32; Пс. 68, 29; 138, 16; Откр. 3, 5; 20, 12; 21, 27) – т.е. Христос, Слово и Премудрость Божия; ср. Гуго Сен-Викторский, «О Ноевом ковчеге нравственном» II, 12: «Есть три книги: одна сделана человеком из чего-то; вторая сотворена Богом из ничего; третья – рождена Богом как Бог от Бога. Первая – тленное дело человеческое, вторая – никогда не исчезающее дело Божие, в каковом видимом деле видимым образом записана невидимая премудрость Творца; третья не есть дело Божие, но Премудрость, Коей Бог сотворил все Свои дела, рождённая, а не созданная Им.... И это есть *книга жизни*, всё, что однажды вписано в неё, никогда не изгладится...» (PL 176, 643D-644A).

15. Поэтому не будем утруждать себя множеством книг, человеческих поделок, но раз уж столкнулись с необходимостью подняться от чувственного к умопостигаемому, от внешнего к внутреннему, от видимого к духовному, то обратимся к единственной книге - той, что написана перстом Божиим!⁵⁰

Пусть каждый вообразит себя Адамом, который, родившись, в полном одиночестве вошёл в этот мир и увидел его. Разглядывая здесь всё вокруг, небо, звёзды, землю, воды, он сперва схватывает умом (concipit) множество сущих вещей; во-вторых, замечая их различие по величине, схватывает неравенство; в-третьих, видя звёзды вверху, а землю внизу, усматривая восток и запад, юг и север, замечая, что любые две вещи занимают разные места, он схватывает разделённость. Тем самым, имеет [понятие] множества, из которого возникает неравенство (в самом деле, неравенство возникает из «одного и другого»; но «одно и другое» и есть множество; следовательно, неравенство предполагает множество, из которого рождается), а из множества и неравенства возникает разделённость (множество неравных [друг другу] вещей по необходимости разделено). И нет такого простеца, который не понимал бы этой очевидности.

Однако множество существует не само из себя, но из единицы⁵¹. В самом деле, множеству случается быть отпадением от единицы, ибо оно и множеством-то является в силу того, что оно есть не единица [взятая] единожды, или однажды (semel sive uniter), но единица, повторенная несколько раз (plurificata). Уже из этого очевидно, что множеству случается быть отпадением от одного, и что само по себе помимо единицы множество самостоятельного существования не имеет. Убери единицу, и во множестве больше ничего не останется. Следовательно, всё, что есть во множестве, есть в нём от единицы, которая во всяком множестве и в любой его части присутствует вся целиком и без ущерба, и в которой заключено существование самого множества.

16. Затем [воображаемый Адам] замечает, что и неравенству случается быть отпадением от равенства. Говорящий о «неравном», тем самым уже прежде того говорит о «равном», отпадением от которого случилось быть «неравному». Тем самым для всякого неравенства уже заранее дано равенство, к которому оно сводится. Следовательно, у неравенства нет бытия иначе, как от равенства, от которого оно отпадает и к которому относится так же, как множество – к единице.

17. Затем и разделение тоже предполагает единение и связность так же, как множество – единицу, а неравенство – равенство.

Отсюда видишь, что мир есть [нечто] начатое (principiatum), и подобно тому как начатое многосложно, неравно и разделено, его начало – едино, равно и связно. Тем самым видишь и то, что первоначало есть единство, равенство и связь, без которых оно не смогло бы быть началом многосложного, неравного и разделённого начатого. Причём поскольку от единицы, или единства, отпадает множество, единство есть как бы «*Отец множества языков*»⁵². Равенство по праву можно назвать «Сыном» единства, ведь равенство возникает ни из чего другого, как из единства. Связь же называют «Духом Святым».

---

⁵⁰ «liber Dei digito scriptus» - данный в ощущениях тварный мир; см. VIII, 16 и прим.

⁵¹ к §§15-17 ниже см. XXII, 19-21

⁵² Быт. 17, 4

3) Как мы в воспринятом чувственным образом свете Христовом входим к наивысшему свету интеллектуальному - на примере глубины Христова учения в молитве «Отче наш»⁵³

| 18. Теперь ум твой открыт к видению всей глубины несущего образ вечной Премудрости слова Христова, изреченного Им в Духе Святом. Подводя тебя к такому видению, я не хочу выходить за пределы того, что тебе уже известно. Подобно тому как в качестве развёрнутого слова Божия пользовался я одним лишь миром видимым, так и здесь я хочу взять некое произнесённое Им по-человечески слово Христа, тебе хорошо известное. Пусть это будет «Отче наш...»

И вот я утверждаю, что в этих словах отразилась вся Премудрость Божия.

19. Во-первых, сказано: «Отче наш, Иже еси в небесах»⁵⁴.

Ты ясно видишь, что сказанное мною выше о единстве множества и об Отце всего выражено здесь с предельной ясностью. Сказано «Отец», не «отцы», и прибавлено «наш», чтобы ты видел: единство для множественности есть причина либо через сотворение, либо любым другим видом начинания.

Прибавлено: «Ты», «Иже еси». Если, следовательно, Отец один (ибо сказано «Ты»), и Тот, Кто есть, то очевидно, что всё множество сущих вещей существует от этого единственного Отца. И ради этого, чтобы ты ещё как можно яснее разглядел непостижимую плодороднейшую природу Единственного Отца, о Его бытии прибавлено: «в небесах». Единство в абсолютном смысле есть в себе, а во множестве оно есть всё то, что есть это множество. Соответственно и здесь об Отце (одном) сказано, что Он есть в небесах (многих). Примечательно, что говорится именно о «небесах», а не «стихиях» - чтобы мы знали: та верховная и совершеннейшая природа, что обозначена именем «неба» и существует во множестве «небес», бытие имеет исключительно от одного бытия, которое «есть в ней», т.е. от Отца.

Нет ничего об Отце, что было бы доступно нашему усвоению и не содержалось в этих словах.

20. Затем следует: «Да святится имя Твоё».

В этой кратчайшей фразе содержится всё, что возможно нам помыслить о Сыне, или Слове. Ведь само по себе имя, если это имя истиннейшее, по необходимости должно быть равно именуемому. И поскольку сказано «имя Твоё», то ясно, каково это имя Отца – образ, сияние, бесконечное равенство Отца⁵⁵. Тем самым Христос учит через знание Отца узнавать Его имя, с тем чтобы [затем] через имя мы узнавали Отца.

И наставляет, чтобы это имя, которое есть истина и вечная Премудрость, «святилось». Происходит такое, когда [знание имени] изливается в нас от Отца умным изливанием

⁵³ толкование «Отче наш» в §§18-27 как отдельный текст вместе с откомментированным немецким переводом было издано в сборнике 1940 года: Cusanus-Texte. I: Predigten. 6: Die Auslegung des Vaterunsers in vier Predigten. Hrsg. und untersucht von Josef Koch und Hans Teske. – Heidelberg, 1940

⁵⁴ «qui es» - «иже еси», букв. «Кто еси»; «in caelis» - «на небесах», в Вульг. буквально «в небесах»

⁵⁵ 2 Кор. 4, 4; Кол. 1, 15; Евр. 1, 3; ср. Иоанн Златоуст, «Толкование на послание к Евреям» II, 2: «Словом "сияние" (апостол) выражает равенство по существу и близость к Отцу».

(intellectualiter); и когда мы это излияние принимаем через обращение ума к Самой Премудрости, когда начинаем различать Её умным зрением, - вот тогда-то [имя] и *святится*, ибо ничего не может ум величать, хвалить и *святить* больше, чем бесконечную Премудрость. Чистый ум неспособен предпочесть Премудрости и Слову Божию ничего другого так же, как глаз неспособен ничего предпочесть красивому предмету, и т.д.

21. Далее: «*Да приидет Царствие Твоё*».

Царствие Отца есть не что иное, как вечная связь. В другом месте Христос говорит: «*всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет*»⁵⁶. Тем самым царству противопоставляется разделение. Следовательно, в существе царства единение, или любовь, ибо только там покой.

Поэтому то, что сказано нам здесь, есть не иное что, как [во-первых] всё, какое только возможно для нас, знание о Духе Святом, и [во-вторых] чего именно должны мы просить [в молитве]. То есть просить мы должны, чтобы это *Царство* вечной связи, любви и покоя, в коем успокаивается всякое наше желание, *пришло* к нам. Как ум не насытит ничем, кроме Слова и вечной Премудрости Отца, так волю не успокоить ни в чём, кроме как в Духе Святом, в Коем обретаемо *Царствие мира, ему же нет конца*⁵⁷.

22. После этого, развернув троичность единства нашего начала с точки зрения назидательной: во что нам верить, чего просить и на что надеяться (ведь без надежды на получение просить было бы бессмысленно, поэтому в прошении дано также и наставление касательно того, на что следует без сомнения надеяться), - [Спаситель], переходя к тому, как должно нам мыслить устройство всего сотворённого мира по отношению к этому началу, продолжает: «*да будет воля на небе и на земле*». В этих словах заключено утверждение, что всё, что только ни [возникает], возникает по Его воле. Здесь сказано всё об истоке творения: все вещи («*на небе и земле*») суть от Бога Отца в Слове («*да будет*») и в Духе Святом («*воле*»). Какая удивительная сжатость речи, развернуть которую не под силу никаким книгам об истоке творения - ни тем, что уже были, ни тем, что ещё только будут написаны.

23. Просветив нас о творении, далее Он прибавляет также и о воплощении : «*Хлеб наш...*»

Христос говорит: «*Я хлеб живой, сшедший с небес*»⁵⁸. Он имел в виду, что мы должны просить, чтобы именно этот «*сверхсущный*» (superstantialem) и *ежедневно* (cotidie) необходимый нам хлеб был *подаваем нам «сегодня»*, то есть в сем «дне» настоящего тленного времени. Этот просимый здесь хлеб есть хлеб, необходимый для жизни. Но поскольку питание временное – это один хлеб, а вечное - другой (так что даже у евангелистов говорится и о том, и о другом), то поэтому испрашивается и тот, и другой необходимый хлеб: и тот, что «*с неба*» - «*сверхсущный*», и тот, что от земли - [«*ежедневный*»]⁵⁹. Непосредственно перед [«*хлебом*»] говорится о «*небе и земле*», о нетленном во времени небе и о тленной земле; соответственно и здесь даётся наставление как о хлебе небесном, нетленном, так и о земном, тленном, чтобы мы из предыдущего верили, что Бог такой хлеб дать нам может, и

---

⁵⁶ Лк. 11, 17

⁵⁷ ср. Ис. 9, 7; Ник.-Конст. символ

⁵⁸ Ин. 6, 51

⁵⁹ имеется в виду известная двойственность латинского перевода «хлеба насущного» (ἐπιούσιος) из молитвы Господней в Вульгате: в Мф. 6, 11 имеем «supersubstantialis» (вар: «superstantialis»); в Лк. 11, 3 - «quotidianus». Ср. у НК: XXIV, 15; XXIV, 27; СХСVIII, 15

надеялись, что [действительно] его даст, когда попросим. Любовь же предполагается всяким прошением уже как форма.

И в этом виден великий Художник: в первых словах дано подтверждение всего («*Отче наш, Иже еси в небесах*»), тогда как всё последующее есть наставление в вере, надежде и любви. Например, моление «*Да святится Имя Твоё*» наставляет нас, во что должны мы верить об Имени, или Сыне, на что надеяться и что любить. Просит ведь любовь: что любим, того и желаем, и просим. То же самое делает [Спаситель] и во всех [других прошениях].

Ещё слово «*нам*» в этом прошении «*Хлеб наш ежедневный, или сверхсущный, дай нам*» наставляет нас, что есть единый хлеб для многих, и это множество есть множество, объединённое для принятия единого хлеба. Тем самым выражена и удивительнейшая природа самого хлеба, и устройство Церкви, как и то, что способность к принятию этого хлеба присуща [только] Церкви.

24. Затем следует: «*И оставь нам долги наши*».

Этим явлен тот плод хлеба, посредством которого мы только и получаем возможность просить об оставлении долгов. [Здесь] свёрнуто всё о плоде Страсти Христовой и принесённого Им за Церковь удовлетворения; и ещё - просить о таком оставлении нельзя иначе, как в единстве Церкви, ведь сказано «*нам*»; и ещё бесконечное число всего, что здесь содержится.

25. Затем в словах: «*как и мы оставляем...*» присовокупляет закон Церкви, которая есть Тело Христово.

Любить друг друга безусловно, не допуская никаких исключений, - это *весь закон*⁶⁰ единства, или Церкви. Поэтому никто, если хочет быть любимым Богом, не должен ненавидеть брата во Христе. И нету закона, который в своей полноте не был бы дан здесь. Что такое *весь закон*, как не вот это: «*делай другим то, чего хочешь себе*»? А это и значит *оставлять друг другу*, как говорит нам Христос, и как проповедуют Павел, Иоанн и другие апостолы.

26. Затем продолжает: «*И не введи нас...*», - показывая, что не все их получивших оставление [долгов], утвердились в благодати, но некоторые, всё ещё могут поддаться искушению и пасть, и потому продолжают нуждаться в Божией благодати.

«*И не введи нас...*», - говорит Он, как если бы сказал: «Поскольку невозможно нам быть в этом мире без искушения, поскольку убережь нас от падения не в силах никто, кроме Тебя, о Боже, то *не введи нас* поэтому Своим попусшением *во искушение!*» Сказано «*введи*» в том смысле, что идущий либо от диавола, либо от мира, либо о плоти *ввод во искушение* не может увенчаться победою и [действительно] ввести нас [в искушение] иначе, как Божиим попусшением. И об этот Его попусшении говорится как о своего рода действии, чтобы человек не думал, что сила и мощь искусителя властны победить его, если Бог не отнимет покрывающей десницы Своей; т.е. чтобы мы приписывали всё Богу и в покровители призывали только Его одного, а не какое бы то ни было тварное существо, ибо не существует такой твари, что сама по себе была бы хоть в чём-то властна над человеком.

---

⁶⁰ Гал. 5, 14

27. И напоследок прибавляет: «*Но избавь нас от зла*». Здесь вера наставляема в том, что *избавить нас от зла* способен один лишь Бог.

Эти слова «*но избавь*» указывают, что Богу в наиболее собственном смысле свойственно именно это [действие] – *избавлять от зла*, а никак не предыдущее (*вводить во искушение*), потому что последнее является [всего лишь] попустительным, ибо Бог не есть искушитель, но *воздаятель*⁶¹.

Бог может избавить нас от всякого зла, и мы должны на это твёрдо надеяться и этого с пламенной любовью просить - вот в чём наставляет нас Христос. И отсюда явствует, что окончательное счастье и цель всех желаний есть Бог, ибо избавить нас от всякого зла иначе, чем даровав высшее благо, Он не может. Ведь от всяческого свойственного злу тлена избавлено одно только высшее благо; и между благом и злом нет среднего. Поэтому, прося удалить от нас зло, мы просим не чего другого, как высшего блага, в котором только и успокаиваемся.

Вот такими и ещё более глубокими учениями просвещаемся мы, *ходя во свете* учения Христа.

И этого достаточно для первой части. |

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Радование о имени Бога и Иисуса

1) О неизреченном имени Божиим

28. Установив начало, теперь, следуя тем же простым путём, поговорим о его имени.

И сразу же понятно, что поскольку имя должно быть совершенным основанием для опознания именуемого (ведь имя – то, что ведёт к знанию именуемого⁶²), то тогда ни одно имя, соответствующее множеству, не может соответствовать началу множества.

Всякое имя, *именуемое на небе и на земле*, предполагает множество, ибо нарекается различающим движением рассудка, а различие предполагает «одно и другое». Поэтому имя Божие *выше всякого имени*⁶³, которое может быть *именовано на небе или на земле*, в веке сем или в веке будущем.

29. Также и Трисмегист говорит, что Бог неизречен и неназываем⁶⁴, ибо необходимо было бы либо назвать Его именами всех вещей, либо все вещи – Его именем, поскольку Он есть единство во множестве, существующем в этом самом единстве.

Это то, о чём у Соломона в 30 главе Притч⁶⁵: *муж, с коим есть Бог, через восхождение на небо и нисхождение* рассматривая всё, что ни есть в мире, приходит в удивление *о имени*

---

⁶¹ Иак. 1, 13; Евр. 11, 6

⁶² «*nomen est notitia*» - см. прим. к СХХVI, 13

⁶³ Флп. 2, 9

⁶⁴ Гермес Трисмегист, «Асклепий» Хха; у НК также: «Наука незнания» I, 24, 75

⁶⁵ Притч. 30, 1-4 (Вульг.)

Бога и Сына Его, и там в этом удивлении остаётся и пребывает, как в псалме «Господи, Господь наш...» вплоть до самого конца не выходит из удивления и Давид⁶⁶, ибо «имени Его не знал никто, кроме Его Самого»⁶⁷ (Апокалипсис, глава 19).

|30. Однако из только что сказанного нам известно⁶⁸, что имя Отца есть не что иное, как Его Сын. Ибо невозможно найти другого имени, способного привести нас к знанию Отца, кроме этого Слова, или бесконечного Имени, Которое есть бесконечное равенство Отцу. Это Отчее Имя, или божественный Сын, есть бесконечный разум всех разумов; сходным образом Он также есть и имя всех нарекаемых разумов имён. Тем самым это Имя свёртывает все имена, как бесконечное равенство свёртывает всё неравное.

31. И так как это Имя есть не что иное, как бесконечная форма, то и всякое имя совпадает с формой. Имя приходит к любой вещи через приход формы. Так восковые печати мы называем царскими вследствие [запечатлённой в них] формы, или образа, царя. Или индивидуум мы называем человеком вследствие прихода в материю человечества; и так далее.

Следовательно, так как всякая форма в материи есть образ формы бесконечной и абсолютной, то тогда и всякое имя есть имя постольку, поскольку оно – образ бесконечного и абсолютного Имени.

32. Отсюда следует, как теперь очевидно, что никакое имя какой бы то ни было вещи, нарекаемое из опирающегося на то или иное чувственное восприятие движение рассудка, не есть точное имя этой вещи. Однако точное имя вещи отражённо светит во множестве имён, развёртывающих свойства именуемого в тех или иных частностях, подобно тому как единство отражённо светит во множестве. Человек именуется «homo» от «humus» («праха земного»); «antropos» - в силу обращённой [вверх] осанки⁶⁹, и тому подобное в прочих языках. Все эти имена не выражают точной чётности человека, которая как таковая неименуема, поскольку непознаваема, но выражают нечто, самому человеку присущее. То же самое – с душой, которую называют, «разумом» от разумения (ratio a ratiocinando), и ещё «умом» (mens), «интеллектом», «духом», и т.д.

33. Итак, ты со всею ясностью видишь, что неименуемо не только имя Бога, но даже и точное имя любой вещи. Но во всех именах имя Бога отражается как в образе.

Подобно тому, как Слово Божие есть бесконечное Имя, Оно также есть и бесконечная Речь; и все языки и речи суть Её развёртывания. Множественность языков суть отпадения от этой Речи, точно так же, как множественность [вообще] – отпадение от единства.

34. Рассмотрим следствие сказанного: именование имени Бога для творения невозможно. Как не может бесконечное иметь другого имени, кроме бесконечного же, равного себе, так не может оно и быть именуемо иначе, как бесконечно. Следовательно, Дух Святой есть эта

---

⁶⁶ Пс. 8, 2-10

⁶⁷ Откр. 19, 12

⁶⁸ см. §20 выше

⁶⁹ ср. Исидор Севильский, «Этимологии» XI, 1 (4-5): «Homo dictus, quia ex humo est factus [...] Graeci autem hominem ἀνθρώπων appellaverunt, eo quod sursum spectet sublevatus ab humo ad contemplationem artificis sui»; традиционная средневековая этимология греческого ἀνθρώπος от ἀνῶ- («sursum») и τρόπος («conversio»)

бесконечная связь бесконечного имени с бесконечным именуемым. Во всяком произнесении или высказывании отражённо сияет бесконечное именование или высказывание, подобно тому как связь присутствует в разделении, а единство – во множестве.

Следовательно, ни о какой вещи не найти такого точного высказывания, которое не могло бы быть ещё точнее. И во всяком высказывании сияние бесконечного высказывания, или Духа Святого, отражается настолько, насколько само это высказывание устремлено к истине. Поэтому в собственном смысле можно сказать о «говорении» [Духа Святого] в мудрецах, пророках и всех, кто возвещает истину. Христос ведь сказал проповедникам истины: «*Не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас*»⁷⁰. И Павел: «*Никто не может назвать Иисуса, как только Духом Святым*»⁷¹. И здесь раскрывается Писание. |

2) Об именах Божиих, содержащихся в Святом Писании

35. В свою очередь следует сказать и о тех именах Бога, что обнаруживаются в Писании.

Прежде всего отметим, что среди всех имён Бога есть одно верховное и священное, а именно четырёхбуквенное, ибо об этом имени говорят как об имени сущности и всемогущества Божия | и ещё как об «*удивительном*» (Быт. 32: «*Что спрашиваешь о имени Моем? Оно удивительное*»⁷². | Оно непереводаемо и по-гречески зовётся «Тетраграмматон», что значит «их четырёх букв», а именно: Joth, He, Vau, He.

Другие имена обозначают Бога в той или иной стяжённости, например, ввиду Его праведности, или крепости, или начальства и т.п. Эти божественные имена толкуются у рабби Соломона и святого Иеронима⁷³. В них, однако, скрыты бесчисленные секреты, о чём сообщают мудрецы. Развернуть их все здесь я не имею возможности.

3) О радовании имени Иисуса

36. В-третьих, прибавим и об этом священнейшем имени «Иисус», наречённом сегодня обрезанному Младенцу.

Иисус есть имя еврейское и означает оно «Спаситель», по слову Ангела: «*ибо спасёт людей...*»⁷⁴ Сегодня, когда Он начал носить одежду, *обогрёрную кровью*, это имя Господа Христа *называется «Слово Божие»* (как говорит Иоанн в Апокалипсисе, глава 19)⁷⁵. Ибо «*послал Слово Своё и исцелил их*»⁷⁶. То есть, исцеление есть дело Слова Божия. Поэтому апостол Пётр, исполнившись Духа Святого говорит (Деян. 4), что *нет другого имени под солнцем, в котором было бы спасение, кроме имени Иисусова*⁷⁷. И оттого, по апостолу [Павлу], *пред именем Иисуса преклоняется всякое колено небесных, земных и преисподних*, ибо

---

⁷⁰ Мф. 10, 20

⁷¹ 1 Кор. 12, 3

⁷² Быт. 32, 29; см. прим. к XX, 4

⁷³ НК здесь, как и в «Науке незнания» (I, 16, 44; 24, 82), путает «рабби Соломона» с «рабби Моисеем», т.е. Моисеем Маймонидом: см. I, 3-4 (и прим.) и XX, 7

⁷⁴ Мф. 1, 21; Лк. 2, 11

⁷⁵ Откр. 19, 13

⁷⁶ Пс. 106, 20

⁷⁷ Деян. 4, 8-12

оно есть имя Сына Божия, *вознесённое выше всякого имени*, сущего на небе или на земле⁷⁸. |(Флп. 2)| Потому что *всё это покорено Ему*⁷⁹.

37. О, как бездонна эта глубочайшая мистерия сладчайшего имени Иисусова, столь изящно воспитая святым Бернардом⁸⁰! Любой христианин, услышав это имя, должен в глубине сердца своего возрадоваться и положить поклон из уважения ко Христу, Чьё имя услышал. Посмотри: ораторы папские или княжеские, когда называют по имени своих господ, делают это не иначе, как с подобающим уважением! Какое же тогда уважение должно выказывать тому имени, что *превыше всякого начальства*⁸¹, когда слышим его во время мессы или где-то ещё? Пусть каждый сам по совести рассудит! Кто не почит с готовностью память и имя друга, брата или благодетеля? Тогда насколько важнее [имя] Искупителя и Возродителя! Смотри, если уважение и почёт выказываются имени того, от кого ожидаем какую-либо пользу, то сколь большим обязаны мы этому Имени!

Если веруем, что Христос – Богочеловек и Спаситель, и вот оно – Его *прежде наречённое Ангелом имя*⁸², то тогда понятно, почему апостолы этим именем вершили, как читаем, и житейские дела, и дела спасения. Тогда и мы должны без колебаний верить, что именем этим, призвав его в неповреждённой вере, твёрдой надежде и пламенеющей любви, можем обрести спасение и врачевство во всякой напасти. Если осмысленно произнесём благословенное имя, обратив, как сказано выше, сердце ко Христу и *призывая Его во истине* нашего ради спасения, то – без сомнения – будем услышаны. Ибо Он *близ всех призывающих Его*⁸³. *Удивил Господь преподобного Своего* тем именно, что *услышит меня, когда воззову к Нему*⁸⁴ по Его же слову: «*просите, и получите*»⁸⁵. |К Римлянам 10: «*Всякий, кто призовет имя Его, спасется*»; и Иоиль 2, то же самое⁸⁶.| Об этом говорит Сам Христос: *знамения*, что получают во Христе верные, состоят в том, что *именем Его будут изгонять бесов*, и т.д. |(последняя глава у Марка)|⁸⁷.

38. Не ищите поэтому спасения *в другом имени*⁸⁸ и не ходите вслед волхвов и прорицателей, но в этом *Слове сокращенном, Которое сотворил Господь на земле*⁸⁹, в этом живом источнике, *ищите* всё, что пожелаете, и *обращаете*, прибегая к этому имени «Иисус» как к памятованию⁹⁰, знамению, как к имени Священнейшего Христа, Спасителя нашего, Коего посредством этого имени призываем.

---

⁷⁸ Флп. 2, 9-10

⁷⁹ 1 Кор. 15, 27

⁸⁰ имеется в виду «*Jesu dulcis memoria*», приписываемый Бернарду Клервосскому гимн имени Иисусову

⁸¹ Еф. 1, 21

⁸² Лк. 2, 21

⁸³ Пс. 144, 18

⁸⁴ Пс. 4, 4

⁸⁵ Ин. 16, 24

⁸⁶ Рим. 10, 13; Иоил. 2, 32

⁸⁷ Мк. 16, 17

⁸⁸ ср. Деян. 4, 12

⁸⁹ «слово сокращено» – Рим. 9, 28; Ис. 10, 22-23; см. также прим. к CLIV, 22

⁹⁰ «*memoriale*» - ср. Ис. 26, 8: «*ad nomen tuum et ad memoriale tuum desiderium animae*»; синод. «к имени Твоему и к воспоминанию о Тебе стремилась душа наша».

И если не всякий раз будешь услышан, то это оттого, что Он желает от тебя больше веры, надежды и любви, возрастающих в тебе от повторения молитвы. Потому и сказал: «*Стучите, и отворят вам!*»⁹¹ Он желает, чтобы ты своего ради спасения *стучал*. Если же иногда не отзывается и на стук, то это потому, что ты *не знаешь, чего просишь*⁹². Думаешь, что ищешь у Спасителя спасения, а на самом деле ищешь ущерба или смерти, коих Спаситель и сама Жизнь подать не может. И если ты - истинный христианин, если веришь в Евангелие, то должен будешь поверить и в этот раз, и не сможешь принять от Утешителя ничего другого, как утешение – неважно, уступил ли Он твоему прошению или нет. Ничего, кроме добра, не может сделать тебе Тот, Кто Сам есть Наилучший. | Да будет имя Господне всегда благословенно. О богохульники, о прорицатели, увидьте же своё заблуждение! |

39. Итак, созерцай здесь сладчайшее имя Иисусово как сокровищницу всех желаний, прими его как единственное утешение и прибежище. Если скорбишь от бед, прибегни к Иисусу, взглядишь в те беды, что претерпел Он тебя ради, и обрящешь в Нём покой, и, если Христос не отведёт те беды, будет довольно тебе в них иметь по подражанию Ему терпение. И поскольку не придётся тебе терпеть ничего такого, чего уже не претерпел бы Христос, в любых бедах у Него будет прибежище твоё, а в прибежище – утешение, и т.д.

40. Приучайте поэтому детей ваших держаться подальше от всякого злого и проклятого имени, и возвращайте в них привычку к сладчайшему имени Иисусову! Непрестанно молитесь с сердечным вниманием ко Христу, чтобы силою имени Своего и памятования Своего покрыл и защитил вас, и получите [просимое]...

| 41. Рассмотрю, что чтущего имя Господне воздаяние ждёт стократное. Мф. 19: «*Всякий, кто оставит дом, или братьев, или сестёр, или отца, или мать, или детей, или зёмли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную*»⁹³. Отметь сколь щедро это воздаяние!

42. В заключение о том, что если будем *хвалить имя Господне* неотступно, то *возрадуемся о нём* и здесь, и в отечестве среди хвалящих... и т.д., ибо, как говорит Августин в конце «Града Божия», там и увидим, и возлюбим, и восхвалим⁹⁴. И т.д. |

---

⁹¹ Лк. 11, 9

⁹² Мк. 10, 38

⁹³ Мф. 19, 29

⁹⁴ см. Августин, «О граде Божием» XXII, 30